

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Жан дю Буа де Годюссон

КОНСТИТУЦИЯ БЕЗ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ — ПУТЬ К УПАДКУ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА (ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ДИАЛОГА О "ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДАХ" В АФРИКЕ И ЕВРОПЕ)*

***Аннотация.** В статье проанализирована практика стран «переходного периода» Центральной и Восточной Европы и Африки по формированию собственных основ конституционного строя, подходов к пониманию и правовому наполнению вновь сформированных конституционных ценностей. Кроме того, рассмотрены достоинства и недостатки различных конституционных институтов и механизмов, использовавшихся названными странами в процессе преодоления ими «переходных периодов».*

***Ключевые слова:** Конституция, переходный период, конституционализм, демократия, сравнительное правоведение, конституционный строй, страны Центральной и Восточной Европы, правовые ценности.*

Вместо предисловия:

В течение более 15 лет, читатель и автор этих строк полемизируют о природе и судьбе переходных периодов, в которые вступило множество стран Центральной и Восточной Европы, переходных периодов, сущность которых сложно определить (демократические? политические? институциональные?), как и понять, действительно ли они являются переходными. Следующие страницы являются продолжением этого непоследовательного диалога, иногда возвращающегося к уже высказанным мнениям о роли и будущем конституционализма, используемым зачастую для подтверждения возможности совместного изучения переходных периодов культурно и исторически различных государств; более того, конституционализма, противоречащего, иногда весьма серьезно, основным принципам демократии и правового государства, а также требованиям к обществу, которые он сам должен определять. В надежде не поддаваться на критику Слободана Милачича, высказанную в адрес «новоявленных авторов-теоретиков перспективного прогнозирования... доказывающих свою состоятельность как «экспертов» конституционного проекти-

рования ... и участников процесса демократизации, порой больше заинтересованных в демонстрации политических достижений, нежели в понимании всех демократических сложностей»¹...

Если что и можно констатировать единодушно, так это факт огромного конституционного развития и победы конституционализма в результате веков эволюционных преобразований, борьбы, революций, мировых войн и, разумеется, виртуально и символически воздвигнутых в Европе стен. Конституция повсеместно, за некоторыми исключениями, становится в современном мире краеугольным камнем нового правового государства, как в развитых странах, так и в странах, недавно вступивших на путь становления демократии.

Конституционное развитие укрепилось на континентах или, в отсутствие возможности обобщить, лучше сказать — в странах, где многим, конституционализм когда-то виделся неприемлемым или даже невозможным. Эта глубинная тема истории институционального развития любой африканской страны, как и стран ряда других субконтинентов, затрагивает вопросы минимизации последствий институциональных и политических изменений и отбрасывания ста-

* Отрывок из книги «Сборник, посвященный Слободану Милачичу «Демократия и свобода: трудности, диалог, противостояние». Брюссель, 2007. Перевод выполнен к.ю.н. М.А. Мещеряковой

¹ Слободан Милачич. «Критика единого перехода, гносеологическая заметка посткоммунизма в ретроспективе единой мысли». Международный журнал сравнительной политики. № 3, апрель 1996. С. 19.

новления демократических режимов на более поздний период, к лучшим дням. Здесь следовало бы вспомнить категоричные заявления о несовместимости принципа правового государства, демократии и конституции с развивающимся государством, высказывания, заслуживающие, по меньшей мере, конкретных откликов, которые, в конечном итоге, никогда бы не были реализованы. В действительности, эти рассуждения легко опровергнуть фактами, но они выполняют, по меньшей мере, функцию выявления самих автократических и диктаторских отклонений.

Тем не менее, названные вопросы еще не сняты. Более того, в последние несколько лет их актуальность возрастает. Конституционализм есть предмет многочисленных упреков, отражающих скептические взгляды на его эффективность. Он становился иногда дополнительным фактором кризиса и, что еще хуже, характеризовался прогрессирующим отхождением от тех задач, которые ему приписывались и составляли его сущность на протяжении двух веков — воплощения демократии и либерального порядка. Причиной этому была не столько недостаточность конституционного строительства, сколько (и мы, как будет показано ниже, не должно никоим образом отрицаться) отсутствием культурных основ, того, как он рассматривается обществом в качестве основы политической власти. Истоки явления, которое многими исследователями рассматривается как неудача политических преобразований и конституционных режимов, кроются в отсутствии «адекватной» и общепринятой конституционной культуры. И как знать, возможно в этой юридической культуре не было понятий ни о конституционном государстве, ни о демократическом конституционализме. Иными словами, разве недавние преобразования, происходящие в мире, не иллюстрируют более чем когда-либо, то, что можно назвать правовой максимой: *«конституция без культуры (конституционной) есть не что иное, как упадок конституционализма»?* Мысль сама по себе не новая; но к ней можно обратиться и развить не только по причине ее актуальности, которая только ее (мысль) подтверждает, но также и потому, что в ней следует искать ключ к схожести ситуаций, которые происходят в переходных государствах Европы и Африки.

I. Прежде всего, существуют «Конституции» и неоспоримое развитие конституционализма

Это развитие порождает многочисленные аспекты, которые необходимо хорошо различать, чтобы охватить всю действительность, требующую порой тем более тщательного анализа, чем больше скрытого бес-

порядка и неясностей она в себе несет, как *априори*, так и в процессе научного к ней обращения.

Не следует настаивать на формальных или количественных параметрах такого широко известного и исследованного явления, которое полностью проявляется с увеличением числа мировых конституций и с усердием инициаторов государственных переворотов, стремящихся провозгласить принятие нового основного закона взамен отмененного.

С другой стороны, с материальной точки зрения, конституционализм подразумевает двойное развитие, в котором можно усмотреть недвусмысленные признаки его прогресса.

А. Первое из его проявлений свидетельствует о большей эффективности функции конституционализма по урегулированию политической власти, чем функции по защите прав человека. Провозглашение правового государства и конституционализма больше не напоминает простую декларацию. Неэффективность, долгое время рассматриваемая как характеристика конституционного права, например, в Африке, теперь постулируется как недоказанная; в любом случае, она варьируется в зависимости от направления применения права, от современности и истории; она также зависит большей частью от критериев, используемых для ее определения и оценки.

Большинство показателей отражают прогресс конституционного права, с учетом того, что не игнорируются его рамки, к которым мы впоследствии вернемся, и что в этой сфере ничто не достигнуто окончательно и необратимо; мы больше не будем ожидать, что конституционализм станет, как это было в случае с рядом государств, вступивших в переходный период и ставших жертвами настоящей «демократической инфляции», — источником разочарования и ностальгии для многих европейских и африканских государств.

Первоначально на основе неоднократного анализа произведенных преобразований² мы сделаем акцент на позицию юристов в спорах о политике и на тех правовых аргументах, которые основаны на конституции и ее толкованиях. Конституционные аргументы обладают преимуществом в политических дебатах, а ссылка на доводы права стала обязательным условием обоснованности не столько внутригосударственного мнения, сколько позиции международного сообщества. С другой стороны, политические конфликты могут быть разрешены в результате использования конституционных ресурсов; здесь применимы положения Кон-

² В частности, в нашем последнем труде «Защита и пояснение конституционализма в Африке после 15 лет практики власти». Сборник, посвященный Луи Фаворо. Возрождение конституционного права, Dalloz, 2007.

ституции. Легализация политики есть общемировая тенденция, которая приобретает большое значение в странах, где регулирование политических отношений было преимущественно жестким, вооруженным или политизированным; легализация становится мирной и правовой; она приобретает юрисдикционную тенденцию, выражающуюся в увеличении сфер вмешательства конституционных судей, расширении спектра их полномочий и требовании уважения к их самым дерзким решениям.

В. Второе проявление представляет собой то, что можно назвать «**усовершенствование**», составляющее цель конституций. Можно проследить ход конституционных пересмотров, появление новых механизмов и институтов каждый раз все более развитых, новых принципов; новых, все более детализированных и жестких санкций для публичных органов; гарантий, все лучше защищающих права человека, само число которых также возрастает. Успех идеологии прав человека влечет за собой концентрирование конституционного права на соответствующих процедурах и их постоянном совершенствовании. На последнем этапе конституционных преобразований контроль и санкции в отношении судей, в первую очередь, конституционных, постоянно усиливаются. В глазах конституционной доктрины эта роль судьи стала ключом новой системы; в ней можно усмотреть одно из важнейших проявлений конституционного прогресса и она фигурирует во главе критериев хорошего конституционного и демократического управления, определенного доктриной и политиками, или же, что еще чаще, международными институтами и инвесторами.

Показатели этих преобразований и постоянных улучшений, затрагивающих большую часть государств планеты, соответственно, проявляются в существенно различных пропорциях в зависимости от эпохи, страны, обстоятельств. Для некоторых стран, например, вышедших из кризиса или отменивших диктатуру, конституционное развитие сопровождалось демократизацией и либерализацией политических систем, установлением политической свободы, плюрализма и многопартийности, гарантий прав человека с созданием соответствующего юридического аппарата, ставшего результатом компромисса между противоположными требованиями и существующими политическими силами, способного одновременно удовлетворять это расширение свободы и его обеспечение. Мы продолжаем поиск классического равновесия между либерализмом и демократией, которое всегда сложно реализовать, особенно в государствах переходного периода. Одним из его источников является также распространение глобальной системы конституционных органов, разработанного на севере

Европы и в международных организациях и функционирующего с учетом политической, демократической и, все больше, институциональной обусловленности. Эти изменения широко поддерживаются судьями, которые зачастую вносят собственный вклад в развитие инновационной юриспруденции, также как и конституционалистами, преподавателями университетов и практиками, теоретиками и должностными лицами, юристами и политологами, вот уже несколько лет обменивающимися своими публикациями и мнениями с целью расширения конституционного массива и усиления своего авторитета.

Мы могли бы поддаться соблазну и выразить свое удовлетворение по поводу завоевания новых территорий конституционализмом, который стал источником глубоких политических и демократических преобразований в XVIII-XIX вв., также как и по поводу безраздельного и постоянного усовершенствования, являющегося его задачей.

II. Конституционализм — жертва собственных конституций?

И все же в последние несколько лет задаются многочисленными вопросами, предъявляются самые резкие упреки природе, реалиям и функциям конституционализма. Кризис конституционализма — частая тема рассуждений, как политических, так и научных; действительно, ее обоснованность вызвана печальным опытом периода между двумя войнами в Европе и конституционными потрясениями шестидесятых годов, происходившими во многих африканских странах.

Большое количество стран, выходя из кризиса, в процессе становления демократии страдает от сомнений: сомнений о природе конституций, теряющих свое символическое значение высеченных из камня законов, претерпевающих частые изменения по желанию правительств или же согласно новым ожиданиям общества, ответом на которые, по мнению ряда государств, является пересмотр конституции, не всегда учитывающий необходимую степень юридического вмешательства. Такая характеристика относится не только к этим государствам, о чем свидетельствуют, в том числе, недавние изменения Конституции Франции. Сомнения касаются и широты контрольных полномочий конституционных судей, в процессе осуществления которых судьи становятся... судьями, реализующими функцию государственного управления, обладая учредительной, или даже законодательной, властью. Иногда существование таких полномочий может быть поставлено под сомнение, поскольку предполагается, что судьи ограничены в своей инсти-

туциональной и политической свободе. XXI в. мог бы стать веком оспаривания полномочий судей в результате их расширения.

А. — Однако причиной этих сомнений, особенно в настоящее время, выступают реалии конституционализма, страдающего от собственной слабости, которая, по мнению многих, есть его врожденная черта, но в любом случае фатальная: слабость, или даже невозможность его усвоения участниками — как политиками, так и элитой, и населением. Отсутствие культурного фундамента, который бы придавал праву, нормам и процедурам смысл и значение демократических достижений, делает их непродуктивными.

Для объяснения этой ситуации можно выдвинуть ряд факторов.

Некоторые из них относятся к текстам законов и к тому, что мы именуем формальным правом, состоящим зачастую из норм предписанных, а не реальных, больше навязанных, нежели действительно интегрированных. Конституционализм не должен быть простой иерархией норм, или же бесконечным состязанием текстов с их собственным толкованием. Разве нельзя отметить, что за последние 15 лет страны, поборовшие кризис или авторитарный режим, используют или даже манипулируют юридическими аргументами и судебными решениями в корыстных целях и в целях политической тактики? Эти государства характеризуются отказом от политического компромисса и, тем самым, провоцируют и ужесточают конфликт вместо того, чтобы придти к демократическому компромиссу. Конституционализм, таким образом, приобретает тенденцию к сокращению только до своих внешних проявлений, приводя к правовому государству со слабой концентрацией демократии.

По мнению большого числа исследователей, такая ситуация могла бы обостриться еще больше. Ряд правителей трактует свою роль в конституционной законности таким образом, что позволяет себе открыто использовать процедуры и механизмы, заложенные в конституционных положениях, без соблюдения духа и идей, на основе которых исторически складывалось конституционное право. Этот феномен сам по себе не новый, но в случае со странами, вышедшими из кризиса, он проявляется не так очевидно, поскольку завоевание ими титула демократических сопровождается созданием демократических институтов, а также организацией выборов.

Так, за последние 15 лет практика укрепления демократии демонстрирует истощение демократических ценностей конституционализмом, ставшим предметом манипуляций, отдавшим приоритет процедуре, букве закона над его духом. Это хорошо иллюстрируют примеры пересмотра способов голосова-

ния и получения президентского мандата, служащих средством подтверждения полномочий. В таких случаях политические инструменты и конституционные нормы приходят в противоречие с требованиями формальной законности в целях продления их полномочий, как это произошло на Мадагаскаре и в Того. Они ведут демократическую игру и обрекают ее на тупиковый исход: демократический конституционализм не позволяет использовать конкурентные процедуры внеконституционных преобразований власти и принять, таким образом, меры предосторожности, позволяющие действовать даже в условиях строгого следования формальным требованиям. Они делают неустойчивыми классические теории права, относящиеся к восстаниям и гражданскому неповиновению и выработанные для противостояния авторитарным режимам, установленным в результате применения силы. В то же время нам известно, что международные и региональные организации, например, африканские, в принципе осуждают государственные перевороты и всякий неконституционный захват власти. В этом вся сила демократий одновременно законных и, соглашаясь с Фаридом Захариа, «нелиберальных»³.

Что же касается государственных переворотов, конечной целью которых считается установление демократии, то они сами по себе являются неконституционными и, в связи с этим, дополнительным фактором обесценивания конституционного права. Например, в случае с Центральноафриканской республикой, произошедший там в марте 2003 г. государственный переворот охарактеризован «как временное вмешательство в демократический процесс, предшествующее восстановлению подлинной демократии»; такая же характеристика дана мавританскому перевороту в августе 2005 г. В любом случае, как подчеркнул Пьер Розенваллон, «признание права на вооруженное восстание, полное таких неопределенностей, как, например, степень несправедливости, произвола, недемократичности, невозможно без акцентирования внимания на разрушении институтов политического пространства и соответствующих политических действиях»⁴.

В. — К этому показателю обесценивания и делегитимации конституционного права прибавляется еще один, который, что парадоксально, обязан своим успехом на новой почве, где оно выполняет новые функции: ресурсы конституционного права используются более регулярно в рамках начатых процессов, как правило, при поддержке международного сообщества, для решения или попытки ре-

³ Будущее свободы: нелиберальная демократия дома и за рубежом, 2003.

⁴ Незавершенная демократия, 2003.

шения не только политических, но и вооруженных конфликтов — на это указывают многочисленные примеры стран Центральной и Восточной Европы и Африки. Такое обращение к конституционному праву не является исторически неожиданным, и, таким образом, проявляются тесные диалектические связи между конституционным правом и кризисами. Он находит, тем не менее, новое поле своего применения с развитием такого явления, которое геополитики определяют как «новые конфликты»; последние вызывают к жизни новые подходы и методы, комбинирующие различные пропорции законности, использование права, политические переговоры и давление со стороны третьих лиц (зачастую международных организаций). Коморские острова, Демократическая Республика Конго, Бурунди, Центральноафриканская Республика, Кот-д’Ивуар, Босния и Герцеговина — вот примеры недавнего использования альтернативных механизмов разрешения споров. Результаты этих политических соглашений, имеющих юридическое содержание, по меньшей мере, нелегальны. В теоретическом плане они могут рассматриваться как победа конституционного права и его обновление. Но, с другой стороны, не способствуют ли они его обесцениванию? Разве такое использование не ведет к потере его обязательной силы, к тому, что оно становится объектом многочисленных толкований и уступок в процессе переговоров, которые придают ему ценность в высшей степени относительную, ограниченную и зависящую от обстоятельств, создавая, тем самым, весьма спорные прецеденты, неприменимые в другом контексте и при других обстоятельствах. Результат, конечно, будет законным, но оправдывает ли он использование права в политических целях...?

В Центральной и Восточной Европе, в Африке, конституции в итоге становятся жертвами собственных достижений: их упрекают в том, что они представляют собой Конституции-декларации, или «Конституции интеллектуалов» даже тогда, когда они становятся более эффективными и позволяют отделить право от политической практики, не подменяя ее, так, как если бы они действовали в условиях стабильной демократии. Мы специально подчеркиваем этот их противоположный эффект, не только потому, что они содержат положения, которые можно назвать губительными для свободы, но также и из-за самой практики их применения. История уже давно учит нас, что само по себе существование конституции — недостаточное условие для формирования правового государства и гарантирования защиты свобод; мы обнаруживаем, что в контексте доминирующей конституционной идеологии она может стать пособни-

ком авторитаризма и предоставить, тем самым, доводы в пользу его законности; Европа в период между двумя войнами уже доказала это несколькими примерами...

III. От конституции к конституционной культуре

Следует прояснить описанную выше контрастную картину... не существует ли она для учета всего разнообразия ситуаций от одного континента к другому и внутри одного и того же континента, а также для того, чтобы понять, что описанные феномены на самом деле не так уж и различны, с точки зрения демократии и стабильности. Остается только, чтобы эти преобразования ориентировали современные воззрения на средства приспособления обществу к конституционализму, иными словами, уточним, что конституция это не просто акт, содержащий нормы и процедуры осуществления политической власти, но также закрепляющий правила демократической и плюралистской политической игры, то есть, принятый с учетом нормативной концепции, верной понятию Конституции, выработанному самой историей. Речь идет об участии в широко распространенных на сегодняшний день дебатах о путях и способах культурного распространения конституционализма, о сближении конституционного права и социальной действительности, которую оно призвано регулировать. Это рискованное предприятие, поскольку здесь вполне вероятны априори неверные толкования, но при внимательном изучении вопроса можно попытаться осознать, как писал Слободан Милачич, что конституционная культура не может быть изменена в результате принятия декрета...

А. В первую очередь, укоренение конституционного права зависит от позитивного (формального) права как такового. Последнее зачастую является объектом критики в процессе становления демократии в любой стране, европейской или африканской, по причине ее слабой способности прижиться и неадекватности социально-политическим реалиям, которые оно должно регулировать. Африканское конституционное право зачастую противопоставляется конституционному универсализму, поскольку создает собственное юридическое пространство и вызывает к жизни свои собственные парадигмы (Седрик Миля)⁵. Мы находим здесь критику конституционного подражания и так называемых конституционных блужданий. Не возвра-

⁵ «Конституционализм во франкоговорящей Африке, альтернативные взгляды на его кончину» — сообщение, сделанное на коллоквиуме Французской Ассоциации конституционного права в Монпелье в 2006 г., опубликованное в журнале *Политея*, 2006.

щаясь к вопросу поиска границ использования аналогичных понятий научного анализа, неспособных описать всю сложность конституционных и юридических влияний в процессе истории вступления стран в переходные периоды⁶, позволим себе сформулировать деликатный вопрос о конституционном строительстве, на котором у исследователей в настоящее время закончилось воображение, хотя именно ему предписано учитывать реалии общества.

Более чем когда-либо, конституционалисты и разработчики конституций подчинены противоречивым требованиям, установленным международным сообществом, выражающимся в необходимости уважать международные конституционные стандарты, которые представители «гражданских обществ» стран, вступивших в переходный период, и нуждающиеся в чутком посредничестве между, с одной стороны, универсальными требованиями и декларируемой ими демократией прав человека, и, с другой стороны, обязательным уважением к индивидуальным характеристикам обществ, которые могут отдалиться от этих требований. С одной стороны, можно заметить, что укрепление законности норм и институтов происходит лучше в случае учета национальных особенностей. С другой, юридические и конституционные нововведения не могут быть осуществлены без риска интеграции в правовой порядок норм и институтов, расходящихся с основной идеологией и с теми образцами, которые рекомендованы международным правом; можно вспомнить также политические обстоятельства, сопровождающиеся порой печальными обращениями к «ценностям» различных стран или даже континентов и опасность обращения разработчиков конституций к традициям, переоцененному национальному прошлому или же... к «истокам». Согласие с этими требованиями стало одним из приоритетов на повестке дня демократии в процессе ее становления.

Можно ли, по меньшей мере, исследовать процесс становления демократии, позволить сблизить это становление с обществом или же с отдельными его сегментами, поощряя этот конституционный «эндогенез» в чуть меньшей степени, или не поощряя его вовсе в первые годы переходного периода?

Неоспорим тот факт, что современные конституционные формулы и новые механизмы могут благоприятствовать с помощью своей близости к обществу и народу понятию и принятию конституционализма. Некоторые научные течения, не задумываясь, предлагают новые конституционные парадигмы и новые

теории, которые, например, именуется, как «консоциативная демократия», разработанная Арендом Липхартом⁷, или «многонациональное государство», либо постнациональное, названное так М. Чихембе⁸. Существует множество теорий, недостатком которых является их неконкретность, которые не развивают конституционную мысль в виде юридической доктрины, и качество которых не влияет на разработчиков конституций и тех, кто участвует в процессе конституционного развития государств! Можно повсюду отыскать механизмы и нормы, рассчитанные на перспективу и планируемые проекты; прежде всего, речь идет о практике согласования правительством государственных и общественных интересов с целью поиска политического или национального единства, которая иногда имеет побочным эффектом менее благоприятные условия для становления демократии, отсутствие организованной оппозиции. Речь также идет об «инклюзивных механизмах», разработанных с целью разрешения этнических или общинных конфликтов, например, в районе Великих африканских озер (см.: Конституцию Бурунди, принятую 28 февраля 2005 г.) в рамках южноафриканского опыта.

Особенно деликатной темой является срочность преобразований для стран, вовлеченных в процесс становления демократии, где осуществление юридического и конституционного строительства в целом не является объектом этих преобразований. На этой стадии и в рамках названного объекта, который заслуживает более серьезного развития и, без сомнения, больше мер предосторожности, разве не должна научная мысль нацелиться на различные направления, касающиеся не столько содержания реформ, сколько методологии?

Последняя акцентирована на капитализации социальной практики удачного прошлого опыта, полученного в процессе уже проведенных реформ. Такой подход предполагает, например, систематизацию, называемую «path dependency» («путь зависимости»), часто справедливо проповедуемую (но редко применяемую) в вопросах государственного управления. Здесь изначально есть выбор, в отличие от других типов реформ, фокусирующихся на достижении заранее определенных целей и часто предполагающих безупречную репутацию проводимых мероприятий;

⁷ «Теория и практика закона большинства: стойкость несовершенной парадигмы». Международный журнал социальных наук. № 129, август 1991. 515.

⁸ «Государства в Африке: кризис привнесенной модели и возврат к действительности. Эссе о теории многонационального государства». Сборник Ф. Борелла. Париж, 1999. С. 485

⁶ Доминик Дарбон и Жан дю Буа Годиссон (отв. редактор). Формирование конституционного права Африки, Каргала, 1996.

по меньшей мере, с нечеткими и разочаровывающими результатами...

Другой путь внедрения нововведений состоит в повторной *политизации юридического и институционального строительства* и недопустимости, как это часто происходит в последние годы, его рассмотрения в чисто технических, технологических и управленческих терминах. Многие политические реформы были произведены исключительно с точки зрения государственного управления. Рассматривая государственное управление как самоцель и деполитизируя происходящие изменения, дабы свести их к простому техническому действию, мы надеемся снизить цену политических реформ. В то же время все указывает на риск ограничить таким образом вмешательство в методологию. Здесь уместным будет привести в пример децентрализацию: можно справедливо задаться вопросом об уместности локальных реформ, представленных в ряде докладов международных организаций и основанных исключительно на управленческом и техническом подходах. Какое и насколько долговечное будущее может иметь проект, позиционируемый как аполитический, но очевидно регулирующий вопросы в высшей степени политического характера?

Наконец, отметим важность обращения к сравнительному подходу, зачастую используемому разработчиками конституций и международными организациями. Он больше не ориентируется в направлении с Севера на Юг: множатся обратные ситуации трансферта юридических технологий с Юга на Юг, примеры чему мы можем обнаружить в сфере структурирования исполнительной власти или контроля и организации выборов... Такая ориентация предполагает усиление и автономию экспертных возможностей, которые пока остаются весьма зависимыми. Несмотря на реальный прогресс, организованная способность сложного технического анализа, проводимого на Севере, пока остается слабой, и экспертные центры почти закрыты для специалистов Юга. Как результат — сложность для стран Юга осуществлять свою критику по отношению к интеллектуальному пространству Севера, обладающему приоритетным положением на рынке научных разработок, более стабильному и труднооспоримому, основанному на научных, методических навыках и отклизе от политики.

Кроме того, могут ли новые редакции конституций снизить возможности их обжалования, а также систематические расхождения в их толковании, порождающие политическую напряженность и кризисы? Обстоятельства их разработки и скорость формирования новых конституционных режимов не способствовали необходимому поступательному развитию.

Пересмотр конституции мог бы попытаться восполнить пробелы и ограничения основных законов, накопившиеся за многие годы практики. Здесь нельзя упускать ни предложения о совершенствовании, изменениях, более или менее глубоких, ни сомнения в актуальности, применимости и даже простой реализации институциональных механизмов, частой несоразмерности затраченных средств всех видов, ресурсов, финансовых и человеческих, которыми располагают или ... не располагают государства. Как самими государствами, так и международными организациями уже произведено много попыток усовершенствования конституций до начала реформ (в первую очередь, в Мали, где в 1999 г. был создан большой форум, или в Бенине, где в 2007 г. приступила к работе комиссия по совершенствованию конституционной избирательной системы); так, с принятием 3 ноября 2000 г. *Декларации Бамако*, которая утвердила демократию как основной принцип франкоязычного мира, обязывая франкоговорящие государства и их правительства «*гарантировать, чтобы основные законы реагировали на развитие демократии... как вновь принимаемые, так и в случае внесения в них периодических изменений*».

В. Важность норм, институтов и конституций не должна переоцениваться. Конечно, на сегодняшний день следует признать, что роль институтов и их вклада в политику развития в период первых лет переходных периодов не случайно включена в предмет исследования. Как подчеркнул Слободан Милачич⁹, в отношении посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, что справедливо и для Африки, 1990-е гг. были временем институциональной шоковой терапии, которую повлекла неизбежная напряженность между заявленным правом и сопротивлением старым культурным привычкам, неизбежно всплывающим в процессе применении нового права. По его мнению, сейчас наступила эпоха умеренных реформ или более или менее видимых результатов прежних изменений, которые негативно сказались на целостном видении вещей; задача состоит в повышении работоспособности правовых норм.

Очевидно, что большинство других способов, использующих средства массовой информации, преподавателей, исследователей от лица общества, необ-

⁹ Доклад о недавней эволюции посткоммунистических систем государств-членов и участников МОФ (2004-2006): мир, правовое государство и политическая демократия (из Второго доклада Наблюдательного комитета за демократической практикой, правами и свободами во франкоговорящем пространстве, подготовленного для Генерального секретариата Международной Организации Франкофонии (МОФ), 2006), не опубликован.

ходимы для распространения идей и идеологии конституционализма, с перспективой приведения в соответствие реализуемых мероприятий с принципами и методологией.

Остается рассмотреть решающий вопрос — о способах распространения конституционной демократической культуры во время промежуточного периода демократического созревания общества.

Речь идет об основной трудности, на которую мы натываемся в любом процессе развития; есть искушение отложить на неопределенный срок реализацию конституционных институтов и механизмов в контексте рассматриваемых нами обществ, далеких от тех, в которых эти институты и механизмы были разработаны. В последнее время все реже исследователи и ученые отмечают, что одним из факторов распространения демократической правовой культуры является применение на практике норм конституционного права и его институтов: оно необязательно осуществляется в тех терминах и их значениях, которые были предусмотрены изначально, но оно может быть фактором осведомленности, привыкания и юридического усвоения, одним словом, фактором его принятия политическими деятелями и народом. Такие способы реализации конституционного права как избирательный процесс или игры партийной системы, какими бы они ни были несовершенными, являются средством рутинизации конституционных демократических обы-

чаев и процессов. В этом смысле конституционное развитие, в первую очередь, самих конституций, но и не только их, накапливая опыт и удачную практику, способствует развитию конституционной культуры и ее прогрессирующему распространению, при условии отсутствия слишком серьезных сбоев и отклонений от так называемой нормы, которые отдаляют народ от демократической и умиротворяющей версии конституционализма.

Как и в случае с либерализмом, население приобщается к конституционализму с того момента, когда элита подчиняется правилам игры не столько де-факто, сколько де-юре, и не рассматривает конституционализм как самоцель. Конституционная культура зависит не только от разработки конституции как формальной модели и реальной практики применения этой культуры, но также, в том числе в странах, преодолевающих кризис и учреждающих демократию, от роли людей, несущих за это ответственность. Пятнадцатилетний опыт «переходов» показывает срочность и необходимость формирования, углубления и распространения, возможно, даже навязывания того, что является основой — *конституционной этики правителей и элит*; она не всегда соблюдается, но без нее невозможно не только добиться преданности населения, но и дать шанс сохранения конституционализма и тех либеральных ценностей, которые придают ему смысл.

Библиографический список:

1. Democratie et liberte: tension, dialogue, confrontation. Bruxelles, 2007.
2. Slobodan Milacic. Critique de la transition unique, note epistemologique du postcommunisme dans le retroviseur de la pensee unique // Revue international de politique comparee. Vol. 3, avril 1996.
3. Defense et illustration du constitutionnalisme en Afrique après quinze ans de pratique du pouvoir // Melanges Louis Favoreu, Le renouveau du droit constitutionnel. Dalloz, 2007.
4. La democratie inachevee. 2003.
5. Cedric Milhat. Le constitutionnalisme en Afrique francophone, variations heterodoxies sur un requiem / Communication au colloque L'Association francaise de droit constitutionnel de Montpellier // Politeia, 2006.
6. Dominique Darbon et Jean du Bois de Gaudisson (sous la direction de). La creation du droit en Afrique. Karthala, 1996.
7. Arend Lijphart. Theorie et pratique de la loi de la majorite: la tenacite d'un paradigme imparfait // RISS, № 29, aout 1991.
8. L'Etat en Afrique: crise du modele importe et retour aux realites. Essai sur la theorie de l'Etat multinational // Melanges F.Borella. Paris. l'Harmattan, 1999.
9. The future of freedom: illiberal democracy at home and abroad, 2003.
10. Rapport sur l'evolution recente des systemes des Etats postcommunistes membres et associes de l'OIF, 2004-2006, la paix, l'Etat de droit et de la democratie, des droits et des libertes dans l'espace francophone a l'attention du Secretaire General de L'Organisation Internationale de la Francophonie (OIF), 2006.
11. Конституционная культура. Универсальные ценности и национальные особенности / Под ред. Е. Алферовой, Г. Андреевой, В. Лафитского, В. Листовской, В. Маклакова. М., 2011.
12. Теория современной конституции: Монография. Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. М., 2005.
13. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: В 2-х тт. М., 2011.

References (transliteration):

1. Democratie et liberte: tension, dialogue, confrontation. Bruxelles, 2007.
2. Slobodan Milacic. Critique de la transition unique, note epistemologique du postcommunisme dans le retroviseur de la pensee unique // Revue international de politique comparee. Vol. 3, avril 1996.
3. Defense et illustration du constitutionnalisme en Afrique après quinze ans de pratique du pouvoir // Melanges Louis Favoreu, Le renouveau du droit constitutionnel, Dalloz, 2007.
4. La democratie inachevee. 2003.
5. Cedric Milhat. Le constitutionnalisme en Afrique francophone, variations heterodoxies sur un requiem / Communication au colloque L'Association francaise de droit constitutionnel de Montpellier // Politeia, 2006.
6. Dominique Darbon et Jean du Bois de Gaudisson (sous la direction de). La creation du droit en Afrique. Karthala, 1996.
7. Arend Lijphart. Theorie et pratique de la loi de la majorite: la tenacite d'un paradigm imparfait // RISS, № 29, aout 1991.
8. L'Etat en Afrique: crise du modele importe et retour aux realites. Essai sur la theorie de l'Etat multinational // Melanges F.Borella, Paris, l'Harmattan, 1999.
9. The future of freedom: illiberal democracy at home and abroad, 2003.
10. Rapport sur l'evolution recente des systemes des Etats postcommunistes membres et associes de l'OIF, 2004-2006, la paix, l'Etat de droit et de la democratie, des droits et des libertes dans l'espace francophone a l'attention du Secretaire General de L'Organisation Internationale de la Francophonie (OIF), 2006.
11. Konstitutsionnaya kultura. Universalnye tsennosti i natsionalnye osobennosti . Pod red . Ye. Alferovoy, G. Andryeevoy, V. Lafitskogo, V. Listovskoy, V. Maklakova . M. 2011.
12. Teoriya sovremennoy konstitutsii: Monografiya . T.YA. Khabrieva, V.Ye. Chirkin. M., 2005
13. Lafitsky V.I. Sravnitelnoe pravovedenie v obrazakh prava: V 2-kh tomakh. M., 2011.